

ЗАВЕРШЕНИЕ «ПРОЕКТА ПРОСВЕЩЕНИЯ»
ДЛЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА
ЧАСТЬ II. РЕФОРМАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ
THE FINALE OF THE “ENLIGHTENMENT PROJECT”
FOR THE WEST AND THE EAST
PART II. REFORMATION AND REVOLUTION

© 2023 Александр Иванович Яковлев

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН, профессор, Москва,
Россия; aliv_yak@mail.ru ORCID ID: 000-0001-7164-1321

Alexander I. Yakovlev

DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of
Oriental Studies, RAS, Professor, Moscow, Russia
aliv_yak@mail.ru ORCID ID: 000-0001-7164-1321

В статье рассмотрены экономические и культурные предпосылки зарождения «проекта Просвещения» в странах Европы, подробно расписаны этапы и варианты развития проекта, его влияние на международные отношения в колониальный период. Также в статье приводятся примеры восточных обществ, породившие достаточно успешные модели развития, которые тем не менее не смогли оказать сопротивление военной, экономической и идеологической экспансии стран Запада, частью которой и являлся «проект Просвещения». В данной части (часть I см.: [Яковлев, 2023]) внимание обращается на формирование определенного комплекса новых мировоззренческих универсалий, идеалов и интересов, норм поведения и морали, которые возникали в общественной жизни западноевропейских стран в XV–XVIII вв. На протяжении столетий люди осмыслили накопленный социальный опыт и по мере переживания идущих событий переосмыслили условия своей жизни. Выдающиеся мыслители сумели свести в целостность пережитый опыт поколений, что нашло свое выражение в трудах отцов Просвещения.

Ключевые слова: Просвещение, Реформация, революция, абсолютизм, свобода личности, деизм, секуляризм, дух индивидуализма

Для цитирования: Яковлев А. И. Завершение «проекта Просвещения» для Запада и Востока. Ч. II. Реформация и революция. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 2. С. 13–29. DOI: 10.18254/S268684310026688-4

The paper describes in detail economic and cultural premises for the emergence of the “Enlightenment project” in European countries, the stages, and options for the development of the project, its impact on international relations during the colonial period. The paper also provides examples of Eastern societies that have generated quite successful development models, which, nevertheless, could not resist the military, economic and ideological expansion of the Western countries, in which the “Enlightenment project” played one of the leading roles. In this part (Part I see: [Yakovlev, 2023]), attention is drawn to the formation of a certain set of new worldview universals, ideals and interests, norms of behavior and morality that arose in the public life of Western European countries in the 15th–18th centuries. For centuries, people have comprehended their accumulated social experience and, as they experience ongoing events, rethink the conditions of their lives. Outstanding thinkers managed to bring together the lived experience of generations, which found its expression in the works of the *fathers of the Enlightenment*.

Keywords: Enlightenment, Reformation, revolution, absolutism, freedom of the individual, deism, secularism, the spirit of individualism

For citation: Yakovlev Alexander I. The Finale of the “Enlightenment Project” for the West and East. Part II. Reformation and Revolution. *Oriental Courier*. 2023. No. 2. Pp. 13–29. DOI: 10.18254/S268684310026688-4

Важнейшим рубежом в русле проекта Просвещения стала Реформация, положившая начало возникновению новых форм христианской жизни помимо древних православных и католической церкви.

РЕФОРМАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Реформацию (лат. *Reformatio* — преобразование) нельзя ограничить церковными рамками, свести к появлению протестантизма: она имела не только антикатолическое, но и антифеодальное значение. Лютер, возможно не сознавая этого, оказался и религиозным, и социальным революционером, вызвав к жизни объективно созревшие силы европейской буржуазии и народных масс. Это общеевропейское движение, в котором переплелись политическое, интеллектуальное и религиозное течения, в свою очередь создало многие предпосылки для проекта Просвещения.

Рассматривая проблематику в своем «Капитализме и Реформации», Люсьен Февр обратил внимание на одно прозорливое замечание Маркса, изложив его следующим образом: «Формируется капитал. И, формируясь, он порождает капиталистическое сознание. Он диктует капиталистическую политику. Он придает капиталистическую окраску мыслям, чувствам и верованиям» [Февр, 2009, с. 203]. Получается, что Реформация родилась из капитализма (притом что сам Лютер показал себя защитником старых устоев и яростно проклинал ростовщиков и финансистов). Но французский историк не отрицает и мнение Макса Вебера: из Реформации родился капитализм. Для нашей темы важно то, что и Реформация и протокапитализм — уже в современном понимании — означали в XVI в. необратимый разрыв Запада с наследием предыдущей эпохи Средневековья.

В европейской жизни издавна было привычным, что всякий человек живет от рождения до

смерти под постоянным надзором религии, что церковь детально регламентирует труд и отдых, отношения с властью и отношения в семье. Однако распространение грамотности способствовало все более широкому личному, без посредников знакомству грамотных мирян с Библией, и они убеждались, что евангельскому учению не соответствуют порядки, сложившиеся в католической церкви: язык богослужения и смысл таинства литургии оказывались непонятными для мирян; нравственный и образовательный уровень духовенства падал. Между тем, нарождавшемуся новому неоднородному слою грамотных и предприимчивых людей уже требовалось все понимать, и они желали этого. В церковной жизни все заметнее становилось внешнее благочестие, нередко связанное с суевериями. Идея духовного спасения противоречила широкая практика предоставления индульгенций за пожертвования. Папство дискредитировало себя nepотизмом, симонией и мздоимством, а также вовлеченностью в политическую жизнь.

Выступление Мартина Лютера 31 октября 1517 г. считается началом Реформации в Западной Европе. Лютер кардинально пересмотрел традиционное христианское учение, положив в основание нового учения тезис об оправдании верой («Имеющий веру имеет все»), упростив богослужение и убранство храмов, отменив церковную иерархию, разделяющую клир и мирян, монашество и таинство священства. Уже в 1520-е годы возник вопрос, является ли протестантизм Лютера «реформацией или деформацией» христианства, но протестантизм утвердился в XVI в. в виде лютеранства и кальвинизма. По словам современного протестантского богослова Г. Шварца, «Священное Писание открывает нам четыре главных принципа: *solo scriptura*, *solus Christis*, *sola gratia* и *sola Fide* (только Писание, только Христос, только благодатью, только верой), на которых зиждется христианская вера» [Шварц, 2017, с. X].

О неразделенности церковной и светской жизни в то время свидетельствует тот факт, что в 1521 г. папа отлучил Лютера от церкви, а им-

ператор Священной Римской империи Карл V потребовал его (Лютера) ареста. Лидера Реформации поддержали несколько немецких князей и вольных городов, то есть коалиция, составлявшая социально-экономическую и политическую опору Реформации в Германии. Февр обращает внимание на социальный характер этой «быстро укоренившейся и развернувшейся» опоры Реформации: «в еще значительно большей степени, чем интеллектуальные столицы и университетские города, на призыв откликнулись крупные деловые и торговые центры: Антверпен, Базель, Страсбург и Нюрнберг, а у нас — Лион. Это факт, а не догадка» [Февр, 2009, с. 205]. Грамотные люди могли прочитать Библию на немецком языке, и Бог стал для них ближе и понятнее. «Так завязывались узы между душами буржуа и новым учением, которое им несли Лютер, Кальвин». А затем, — заключает Февр, — из Реформации, которую буржуа XVI века получили от великих реформаторов... они сделали — подделав, переделав, изменив ее, — Реформацию для себя, только для себя, полностью для себя... она начинает жить своею собственной жизнью... И в свою очередь, воздействует на их сознание. Они сотворили ее по своему образу и подобию... Однако, изменяясь, она начинает оказывать на них сильнейшее влияние. Она усиливает, делает более определенными и обостряет в них капиталистические целенаправленность и деловитость. Скажем проще — капиталистический дух» [Февр, 2009, с. 212–213]. Перемены в духовной жизни подкреплялись сплочением населения германских земель благодаря немецкому языку Библии, а также появлению очагов раннекапиталистического развития в немецких городах.

Деятельность Лютера продолжили и упрочили Ульрих Цвингли и Жан Кальвин, движение захватило Нидерланды, Швейцарию, часть Франции и германских земель, Прибалтику, Скандинавию, Шотландию и Англию.

Самым тяжелым последствием Реформации для католической церкви стало разделение западного христианства на церковные общности, противостоящие друг другу в церковной жизни,

политике и культуре. Были запущены необратимые центробежные процессы обособления государств и народов. При сохранении европейского цивилизационного пространства, внутри него активизировались процессы формирования национальных государств, национальных экономик и национальных культур, и в целом социально-экономическая жизнь.

Конечно, главный удар был нанесен по католической церкви. В странах, где Реформация победила, авторитет и власть церкви существенно уменьшились, она попала в зависимость от государства. Светская власть получила право опеки над религией, право наказывать иноверцев. Католическая Контрреформация смогла поставить пределы опасному процессу обмирщения религиозной жизни¹, но сила удара Реформации привела к необратимым процессам в этой сфере. В духовной и социально-политической жизни Западной Европы пошатнулся и рухнул видевшийся несокрушимым и абсолютным авторитет церкви и христианской веры, хотя католическая церковь устояла, равно как и протестантские общины разного толка.

РАЦИОНАЛИЗМ И РЕЛЯТИВИЗМ

Рационализм Просвещения пошел много дальше: «истинность христианства как религии сознательно релятивизировалась, а стремление к христианству как религиозному идеалу подменялось искусственными попытками реконструировать или построить некую общечеловеческую «религию разума», включающую наряду с христианскими и истины иных религий. В рамках деизма под естественной религией понималось представление о Боге и религиозные практики, которые могут быть обоснованы силами природного — естественного — человеческого ра-

зума. Английский деист Ч. Блант в книге «Правила Разума» (1693) определял такую религию как «веру в вечное разумное Сущее, сопряженное с обязанностью, которую мы ощущаем по отношению к Нему» [Цит. по: *Православная энциклопедия*, 2009, т. XVIII, с. 694]. Близкими к такому пониманию религии оказались деятели французского Просвещения Ж. Ж. Руссо и Д. Дидро. Тем самым, делает вывод Д. В. Смирнов, у многих мыслителей Нового времени, например француза П. Гольбаха, англичанина Д. Юма («Естественная история религий») и немца И. Канта («Религия в пределах только разума»), «элементы естественной религии постепенно трансформируются уже в откровенно атеистические воззрения». А далее интерес к этой проблематике падает, и уже Ф. Шлейермахер в «Речах о религии» (1799) характеризовал естественную религию как «неопределенную, скудную и жалкую идею» [*Православная Энциклопедия*, 2009, т. XVIII, с. 691–695]. Так на протяжении нескольких десятилетий осуществлялся переход западноевропейского общества к деизму, а за ним — к атеизму, сначала в теории, а после Великой Французской революции и на практике.

В европейской Реформации нашли отражение политические и социально-экономические процессы, начавшиеся в Германии: светские правители десятков больших и малых европейских государств стремились укрепить свое положение за счет выхода из-под власти Папы Римского, подчинения местной церковной иерархии и секуляризации церковного имущества, а нарождающаяся европейская буржуазия была готова удовлетвориться «дешевой церковью», позволявшей «делать бизнес». Но Кальвин не просто наследовал Лютеру, он уточнил и конкретизировал его взгляды на долг человека трудиться: Бог любит труд и отмечает

1 Тридентский собор католической церкви (1545–1563) в противовес протестантским идеям подтвердил традиционное католическое вероучение. На соборе были приняты важные меры по укреплению церковной дисциплины (епископам вменено в обязанность находиться в своих епархиях и следить за исполнением священнослужителями своих обязанностей и моральным обликом клира, пресечены злоупотребления, связанные с индульгенциями, в каждой епархии учреждалась семинария для подготовки священнослужителей), поддержана деятельность Ордена иезуитов по защите католической веры [*Католическая энциклопедия*, 2005, т. 2, стлб. 1265].

тех, кто служит общему благу людей и одновременно славе Божией, становящихся избранниками Божиими. Так любовь к труду превращается в культ труда, а работник, исполняющий всемогущую волю Божию на своем месте и в своей профессии, — благословлен Богом.

Реформация стала плодом своего времени, но ее последствия далеко вышли за рамки первоначальных целей. В середине XX в. Февр прямо называет результат трансформации лютеранства: «В Соединенных Штатах — тип пуританина, который, будучи поглощен своими делами, погоней за успехом, постепенно отказывается от постулатов веры, из которых исходили и которыми руководствовались его отцы во всех своих устремлениях, — и теперь это всего лишь служитель утилитарной морали, прикрытой фари-сейской маской; а когда маска снимается, обнажается истинное лицо, оскал банкира, торговца, человека, обуреваемого бешеной страстью к наживе, он копит, он жаждет золота» [Февр, 1991, с. 214]. Но это будет потом, а с XVI в. пуритане и не только пуритане на основе новой системы идей, ценностей и идеалов трудились над формированием капиталистического строя.

В то же время, названные процессы, возникнув в протестантской части Европы, отразились и в католических странах. Отказ от христианской системы ценностей (десять заповедей еще оставались, но Евангельские заповеди были забыты) вызвал к жизни новую мораль, новые нормы морали и поведения, новые семейные отношения. Новая индивидуалистическая мораль основывалась уже на здравом смысле и принципе разумного эгоизма. Например, П. Гольбах основой поведения человека считал его интерес, пользу, а не какие-либо высокие соображения.

БОРЬБА С АВТОРИТЕТАМИ — БОРЬБА С НАСЛЕДИЕМ?

Вражда к прошлому переходила в борьбу с авторитетами и наследием своего прошлого.

В сочинениях отцов Просвещения слова «традиция» и «авторитет» являются почти синонимами слова «зablуждение» — и это представление взорвало западную культуру спустя два столетия, в 1968 году. По словам Энгельса, «никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике... все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все прошлое достойно лишь сожаления и презрения» [Энгельс, Маркс, 1961, т. 20, с. 17].

В парадигме Просвещения менялось все, хотя для современников видимым образом все оставалось до поры до времени на своих местах. Перемены в сознании людей были видны наиболее ясно в изменении отношения к религии.

С отказом от господства веры и авторитета Церкви в общественной жизни возникала проблема замещения веры и Церкви. Она была решена путем эволюции христианства в некую «светскую религию», обретшую формы гражданской религии и политической религии².

Тем не менее сводить содержание Просвещения к революции было бы упрощением. Отцы Просвещения проявили себя революционерами в своей интеллектуальной деятельности, их мысль шагнула далеко за известные современникам пределы. Но в реальной социально-политической жизни их радикализм, как правило, исчезал. Да, радикалам требовалась революция. Но в естественном развитии европейской общественной мысли возникли также течения реформаторов и консерваторов, предлагавших свое видение настоящего и свое решение возникающих проблем. Однако для решения объективно возникшей задачи насильственного или ненасильственного переустройства общества необходимым было совпадение разного рода объективных и субъективных условий.

2 Подробнее см.: [Джентиле, 2021].

Может возникнуть вопрос: почему же мы не начинаем отсчет проекта Просвещения от эпохи Возрождения или от Реформации, если они прямо создавали основу будущего строя? Но Возрождение было крайне элитарным явлением, в которое были вовлечены небольшие группы аристократов, монахов, литераторов и художников; оно не могло поколебать устои. Реформация стала первым подлинно массовым движением европейского масштаба, значительно повлиявшим на массовое сознание, однако оно не затронуло существовавшие политическую систему и экономический строй европейского общества. В экономике потребовалась еще Промышленная революция, а в общественной жизни Великие революции в Англии и Франции.

Но, как бы то ни было, в XVI–XVII вв. социально-экономической основой Просвещения стали процессы активизации и расширения деятельности, с одной стороны, торговцев, предпринимателей и ростовщиков, с другой — интеллектуалов и «творческого сословия» в городах Западной Европы. Эти слои грамотных людей узнавали и воспринимали в той или иной степени новые идеи в силу их субъективной выгоды, отказываясь от старых идей, уже не отвечавших их новым интересам. Постепенно значение этих социальных слоев объективно возрастало, хотя не полностью признавалось властью в рамках жестко структурированного феодального общества, внутренне скованного сословными и корпоративными отношениями и подчиненного власти монарха и церкви. Однако соединение их взрывного потенциала с идеями Отцов Просвещения как раз и придало необратимый характер общественному развитию ряда

западноевропейских стран. **Маленький снежный ком стремительно обрастал большой массой.**

Конечно, поначалу «передовые идеи» узнавали и принимали лишь несколько сотен людей, около 1 % населения. Но возможности «революции Гуттенберга» позволяли скачкообразно увеличить число читающих и думающих. появилась масса памфлетов, деклараций, воззваний газетных статей и книг, наполненных новыми идеями.

То было беспокойное время. И активность вольнодумцев вызвала возражения не только у официальных институтов Церкви и государства. Например, итальянский гуманист Дж. Пико делла Мирандола (1463–1494) в своей известной «Речи о достоинстве человека» выступил с позиции универсально понятого христианства и утверждал тезис об особом положении («достоинстве») человека в мироздании («срединное положение»), который причастен и земному, и небесному, обладает возможностью «обозреть все, что есть в мире», свободен в своем выборе и самоопределении (способен «владеть, чем пожелает» и «быть, чем захочет»), что уподобляет его Богу.

Это яркое свидетельство ренессансного мировосприятия получило широкое распространение. Скрытую полемику с ним можно найти в «Мыслях» Паскаля (1623–1662), великого христианского мыслителя. По мнению Паскаля, человек одновременно и велик, и ничтожен, он «вместилище противоречий», «судья всех вещей и бессмысленный червь земли, обладатель истины и клоака неуверенности и заблуждений, слава и отброс мироздания»³. Большой фрагмент 72 посвящен проблеме «несоразмерности человека». «Мы есть нечто, но мы не есть все», —

3 Широко известен такой афоризм Паскаля: «Человек — всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает. Итак, все наше достоинство заключено в мысли. Вот в чем наше величие, а не в пространстве и времени, которые мы не можем заполнить. Постараемся же мыслить как должно: вот основание морали» [Ларошфуко, 1974, с. 136–137].

утверждает Паскаль. «Как может часть познать целое? Но он может постараться познать хотя бы те части, с которыми он сам сопоставим» [Ларошфуко, 1974, с. 132–136]. Паскалем многие восхищались и читали его главный труд, однако его теоцентристское мировосприятие, воспринимавшееся как устаревшее, консервативное, большинством отвергалось. Пришло господство антропоцентризма.

Идеи Просвещения распространялись также через научные общества, светские салоны, тайные общества (розенкрейцеры, масоны, иллюминаты). Улучшение качества жизни и рост материального благосостояния, рост потребления и свободного времени уже 10 % населения создавали возможности для того, чтобы новые идеи пошли в массы, а идея, овладевшая массами, как известно, становится материальной силой.

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО И ФИЛОСОФЫ

В политической мысли европейским вольнодумцам еще противостоял авторитет государства, абсолютной монархии, главного и единственного субъекта общественной жизни до Просвещения. Живучесть средневековых монархий, как политических и социальных институтов, можно объяснить их слабостью и вынужденной гибкостью по отношению к верхам и низам общества. Корона действовала как связующий элемент или арбитр в неустойчивых отношениях между верхами (аристократия, дворянство, духовенство) и третьим сословием (бюргеры, торговцы и ремесленники), а также регулировала силу давления со стороны низов (крестьяне), остававшихся вне пространства политической жизни. Незыблемость социальной иерархии, определявшейся принципами рождения и социального статуса, не ставилась под сомнение.

Но и там появились новые идеи. В Европе авторитет и сила государства не смогли подавить авторитет и силу мнений отдельных личностей. Т. Гоббс, Р. Декарт и Дж. Локк предложили но-

вое видение общества, государства и человека, отвергая теистические «предрассудки» с позиций материализма и рационализма и утверждая идейно-политическую доктрину либерализма. Деятели Просвещения от любования идеалом героического энтузиазма свободной творческой личности перешли к созданию реальных условий для реализации данного идеала. В отличие от Декарта, который считал свой метод рациональной критики приложимым лишь к наукам, философы Просвещения распространили его на религию, мораль, право и политику.

Ш. Монтескье отстаивал в своих произведениях (главное — «О духе законов», 1748) главную ценность — политическую свободу, условиями которой должны стать справедливые законы и надлежащая организация государственности. Им предложен принцип разделения в государстве законодательной, исполнительной и судебной власти для уравновешивания и сдерживания их могущества.

В политической мысли возникли теории просвещенного абсолютизма и общественного договора. Тот же Гольбах отстаивал необходимость ограничения королевской власти во Франции, но ожидал осуществления «царства разума» в результате появления просвещенного монарха, гуманного и мудрого законодателя. Возрожденная Ж. Ж. Руссо античная доктрина общественного договора не только отвергала идею о божественном происхождении власти, но утверждала право свободных личностей, образовавших государство, на защиту и утверждение собственных прав. «Человек рожден свободным, а между тем везде он в оковах» — это мысль уже не теоретика, а революционера.

В трактатах «О гражданине» (1642) и «Левиафан» (1651) Гоббс рассматривал государство как результат договора между людьми для прекращения «естественного состояния» «войны всех против всех» [Гоббс, 2001, с. 15]. Считая всех людей изначально равными и имеющими «право на все», Гоббс указывал, что человек — существо глубоко эгоистическое, обуреваемое жадностью, страхом и честолюбием, видящее в окружающих

завистников, соперников и врагов. Это «естественное состояние рода человеческого» ведет к «войне всех против всех». Он противопоставлял абсолютную роль государства–монархии, чья власть неограниченна, массе граждан, добровольно ограничивающих свои права и свободы⁴, ибо «отдельные воли граждан содержатся в воле государства» [Гоббс, 2001, с. 161]. Моральный долг, основанный на Священном Писании, в его понимании совпадал с гражданскими обязанностями, вытекающими из общественного договора, а церковь служила полезным орудием государственной власти⁵. При этом, правители, осуществляющие верховную власть, не несут ответственности перед кем бы то ни было.

Дж. Локк жил и действовал в условиях после Великой Английской революции и Славной революции 1688 г., поэтому в своем труде «Опыт о человеческом разуме» (1690) он прямо опровергал устаревший взгляд на королевскую власть как на «божественное установление» и развивал идею о переходе людей от «естественного» к «гражданскому» состоянию. Локк допускал возможность изменения существующего общественного порядка, если он препятствует развитию личности, и эта мысль была услышана во Франции. Обосновывая возникшую послереволюционную государственность, он утверждал концепцию конституционной парламентской монархии, опираясь на идеи естественного права, суверенитета народа, общественного догово-

ра, веротерпимости и разделения властей. Цель государства, по его мнению, состоит в сохранении свободы и собственности, приобретенной посредством труда — что прямо отвечало интересам нарождающейся буржуазии, и стало идейным основанием либерального государства⁶. В следующем столетии Локк получил признание как один из «пророков Просвещения» [Поттлиб, 2020, с. 175].

Ж. Ж. Руссо (1712–1778) в своих ярко полемических сочинениях «О происхождении неравенства среди людей» (1754) и др. занял крайне радикальные позиции, осуждая неравенство между людьми, деспотизм и рабство, идеализируя при этом дикарей и бедняков, их простоту и невежество. В романе «Эмиль, или О воспитании» (1764) заявил себя деистом, утверждая, что «высочайшие представления о Божестве приходят исключительно из нашего разума». Заметим, что в своих романах Руссо наряду с активностью героев, что совпадало с духом эпохи, обращает большое внимание на эмоциональную активность человека, его чувства, страсти, желания. Следуя направлению, заявленному в психологическом романе С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу» (1748), в романе «Юлия, или Новая Элоиза» (1761) он создает образец сентиментального романа, оставаясь верным гуманистическому просветительскому идеалу⁷. Благочестивая героиня романа никогда не брала катехизиса в руки, и даже при смерти не желает молиться Богу, от-

4 По его мнению, при демократии возникают многочисленные собрания, ведущие к возникновению разных партий, «а из партий — восстания и гражданские войны...». «Государство со времени своего учреждения — господин всех граждан», — утверждал Гоббс, доказывая абсолютное господство государствами и над вещами. «... откуда у тебя твоя собственность, как не от государства?.. Следовательно, ты также уступил свое право государству; следовательно, твое господство и собственность таковы и длятся столько времени, какими и сколько хочешь их признать государство...» [Гоббс, 2001, с. 164.]

5 В то же время, отвечая на вопрос, «следует ли повиноваться государству, когда оно прямо повелевает оскорбить Бога или запрещает почитать Его», Гоббс говорит: «не следует и не нужно повиноваться...» [Гоббс, 2001, с. 222].

6 Стоит отметить, что сам Дж. Локк являлся одним из самых первых сторонников и инвесторов Банка Англии [Пинкус, 2017, с. 511].

7 В письмах, составляющих роман, герой Сен-Пре обличает то неравенство европейского общества: помимо Парижа «нет другого города в мире, где наблюдаешь такое неравенство состояний и где одновременно царят и невероятная роскошь, и самая неприглядная нищета»; то хищнический Запад: «Я видел берега Бразилии, где Лиссабон и Лондон черпают свои сокровища и где нищие туземцы попирают ногами золото и алмазы, не смея поднять их с земли... Я видел ужасный пожар, когда был предан огню целый город... сожгли его «по праву войны» — вот оно каково у просвещенных, гуманных и цивилизованных народов Европы...» [Руссо, 1968, с. 378–379].

казывается принять священника. Для духа эпохи показательно, что на протяжении века роман выдержал 60 изданий во всех европейских странах.

В трактате «Об общественном договоре, или принципы политического права» (1762) Руссо выступает с позиций убежденного республиканца, призывая к «общей воле» и гармонии интересов гражданского общества, утверждая идею народного суверенитета и право народа свергать тиранов. В этом трактате он выдвигал в качестве условия свободу граждан в отношениях с государством, их прямое участие в управлении (без всяких партий, групп и объединений), а также политическое и имущественное равенство граждан, сохраняемое государством, при этом, «общая воля» государства обладает неограниченной властью над всеми гражданами. Он осуждал имущественное и политическое неравенство, особенно возмущавшее при деспотическом правлении. Лозунг «свобода и равенство» французские революционеры явно позаимствовали у Руссо. Промежуточной можно назвать позицию Дж. Локка, предлагавшего в «Двух трактатах о государственном правлении» (1690) идею разделения ветвей власти для более полного контроля со стороны народа, как безусловного суверена, но отказавшегося от части своих «естественных прав».

Показательно, что, как «мечта о равенстве» Руссо, так и идея Гоббса о Левиафане-государстве надолго пережили своих создателей. Мечта Руссо в XX в. обернулась Революцией 1968 г. и последовавшим отказом от принципов иерархии, авторитета и традиции. Идея Гоббса о Левиафане реализовалась в XX в. появлением жестких авторитарных режимов, а на рубеже XX–XXI столетий в возрастании роли государства за счет умаления прав граждан и обострении названного им конфликта между существованием в человеческой жизни двух за-

конов — рационального и прагматичного земного и евангельского небесного, Божия.

Нельзя не назвать в этом ряду и Вольтера, чья деятельность и сама личность повлияли на существенные моменты проекта Просвещения. Вольтер и Руссо (бывшие в жизни почти врагами) умерли за десять лет до Великой Французской революции, но оказали огромное влияние на подготовку умов к ней во Франции. «Справедливо считать Вольтера и Руссо лидерами [революции]... — писал ревностный католик и монархист Ж. де Местр. — Вредительские сочинения Вольтера шестьдесят лет подтачивали само христианское основание этого великолепного строения, чье падение потрясло Европу. Именно губительное красноречие Руссо соблазнило толпу, у которой страсти превосходят разум. Он заронил повсюду семена насмешки и бунта против власти. Он... изложил ужасающие принципы, из которых прямо следуют те ужасы, что мы наблюдали» (Цит. по: [Готтлиб, 2020, с. 346–347]). Конечно, взгляд современника кровавых событий был слишком пристрастен. Сами просветители-энциклопедисты вовсе не призывали к революции, тот же Вольтер отстаивал свободу личности, индивида, а не свободу общества в целом. Он полагал благом для страны пребывание на престоле «короля-философа», то есть, «просвещенного монарха». В то же время, показательно, что Вольтер (вероятно, благодаря пребыванию в Англии⁸) утверждал идею «господства права»: «свобода состоит в том, чтобы зависеть только от закона» (подразумевалось: а не от королевского произвола, и это, очевидно, имело революционный смысл). Они стремились просветить современное им общество, строили конструкции более справедливого, свободного и счастливого общества. А то, что путь к этому обществу, равно как и дальнейшее существование его оказались конфликтными — порождено объективными

8 Вольтер восхищался английской политико-правовой системой: «Наилучшие законы — в Англии: правосудие, отсутствие произвола, ответственность должностных лиц за нарушение свободы граждан, право каждого высказывать свое мнение устно и письменно. Две партии следят одна за другой и оспаривают честь охраны общественной свободы» (Цит. по: [История политических и правовых учений, 1995, с. 281]).

причинами, когда идеи обретают самостоятельность и собственную логику развития.

Д. Дидро в своих публикациях стремился научить людей «сбросить ярмо авторитета», «сомневаться и ждать». В трактате «О достаточности естественной религии» (1770) он пытался доказать, что все исторические религии берут свое начало от человека, их суть не более чем «человеческие слова», в то время как естественная религия исходит от Бога и достаточна для спасения тех, кто жил по ее закону [*Православная Энциклопедия*, 2009, т. XVIII, с. 694]. Сочинение Дидро «Письмо о слепых в назидание зрячим» (1749), по содержанию последовательно материалистическое и атеистическое, послужило причиной его ареста. По выходе из тюрьмы Дидро организует издание «Энциклопедии» (1751–1780), тома которой содержали боевую пропаганду новых материалистических идей и критику «устаревших» взглядов и верований. «Энциклопедия» объединила идеологов французского Просвещения, но ее воздействие выходило за границы страны.

Дилемма *права и силы* в государственной и общественной жизни по-разному разрешалась отцами Просвещения, но их исходные моральные идеалы явно выходили за пределы тогдашней жизни европейского общества. Но и сама жизнь менялась: развитие ремесел и торговли, возникновение новых рынков, разделение труда, имущественное расслоение в обществе, все это обостряло борьбу людей за существование, расшатывало по видимости прочную феодальную систему. Однако нашлись мыслители, считавшие возможным на пути в светлое будущее обойтись без слома существующей системы.

Одним из таких мыслителей был Эдвард Бёрк, заложивший основы политического консерватизма в проекте Просвещения. Будучи активным политическим деятелем Великобритании,

он резко осуждал Французскую революцию и стал выразителем охранительного течения в политической жизни Европы: «Новизна — не единственный источник рвения!» — утверждал Бёрк, предлагая *реформы внутри системы*: борьбу за «старое дело» — за торжество «истинного республиканского духа», с помощью которого только еще и возможно избавить существующие монархии «от слабоумия дворов и безумия толпы»⁹. Бёрк указывал, что у французов «была умеренная отеческая монархия. Они презирали ее за слабость. ... Они сами взялись за дело: хлынув на улицы, они принялись убивать, грабить и бунтовать. Они преуспели и установили в своей стране неслыханную до той поры нигде в мире наглую тиранию неумолимых в своей жестокости господ» [Бёрк, 2001, с. 420].

Однако он обращал внимание не только на бурные и кровавые события политической жизни во Франции, но и на происходившую там смену системы ценностей, размышляя, «созрела ли Франция для свободы вообще». «Найти заменители всех тех принципов, с помощью которых до сих пор управлялась человеческая воля и человеческие поступки — вот их главная проблема, — писал Бёрк. — Они ищут в человеческой душе склонности такой силы и такого свойства, чтобы они сгодились — и намного лучше, чем прежняя мораль — для целей их государства, а также могли быть усовершенствованы в целях поддержания их власти и сокрушения их врагов... Истинное смирение — опора системы христианства — некичливое, но глубокое и надежное основание всякой настоящей добродетели. Но они его полностью отбросили как весьма болезненное в повседневной жизни и внешне совершенно непривлекательное. Их цель — соединить все природные и социальные чувства в непомерное тщеславие» [Бёрк, 2001, с. 39, 381].

9 «Я постоянно убеждаюсь в том, что любая попытка — какую бы форму она ни принимала — подавлять, лишать титулов, разорять, реквизируют имущество и истреблять родовую знать, а также уничтожать земельную собственность целой нации, не может быть оправдана. Я абсолютно уверен, что проект превращения великой империи в приходское управление или в собрание приходских общин... бессмыслен и абсурден в любых его формах и при любых оговорках» [Бёрк, 2001, с. 351].

В своих рассуждениях Бёрк не мог не учитывать осмысление опыта развития своей страны. В частности, точку зрения своего старшего современника Г. Болингброка, указывавшего на достижение «устойчивого равновесия сил» в Англии благодаря тому, что «собственность простого сословия стала намного превосходить собственность лордов» — чего не происходило во Франции. Общность интересов, направленных прежде всего на сохранение собственности, объединяли палату общин и палату лордов для противодействия силе любых иных начал [Лабутина, 1995, с. 87]. Так в Великобритании проект Просвещения обретает контуры капиталистической системы, в которой господствует один принцип: святости частной собственности.

ГИББОН И МАЛЬТУС

Одним из идеологов Просвещения можно считать великого историка Э. Гиббона (1737–1794). В своем монументальном труде «Упадок и разрушение Римской империи» он не просто на основе детального изучения источников подробно излагает политическую историю Рима и Византии, этапы перехода Римской, а затем и Византийской империи от процветания к упадку. Подобно всякому историку, Гиббон осмысливает многовековую историю Рима с позиций своего времени и задач своего времени. Падение империи, по его мнению, стало следствием произвола и деспотизма императоров: «Рим стоил от непрерывной тирании» [Гиббон, 2005, с. 18], подавивших самостоятельность народа, насилия имперской бюрократии, возрастания налогового бремени и ослабления дисциплины в армии.

Столь же важной причиной Гиббон считает расширение христианства в империи, которое заместило дух римского патриотизма и гражданственности умозрительными идеями, хотя «философы Греции выводили свою нравственность из человеческой природы, а не из природы Бога» [Гиббон, 2005, с. 27]. Он указывал, что «античные философы в своих письменных сочинениях и бе-

седах утверждали независимость и достоинство разума, но свои поступки подчиняли велениям закона и обычая», хотя ради «грубого простонародья» играли свои роли «на театре суеверия, укрывали свои чувства атеиста под облачением священнослужителя» [Гиббон, 2005, с. 28].

В своем изложении истории Восточной Римской империи историк не скрывает пренебрежительного тона. Он подчеркивает забвение латинского языка и «упадок вкуса» «выродившегося народа» Византии. По мнению Гиббона, греки «были одинаково не способны к мысли и к действию. На протяжении десяти веков не было сделано ни одного открытия, которое повысило бы достоинство человечества или способствовало его счастью. Ни одна идея не была прибавлена к системам античных мыслителей... Наименее отвратительных авторов византийской прозы избавляет от осуждения их неприкрытая и лишенная претензий простота...» [Гиббон, 2005, с. 750]. «Империя цезарей» сжалась и исчезла, констатирует он, потому что «подданные Византии опустились до малодушия и вялости, что было естественным следствием их одиночества и изоляции» [Гиббон, 2005, с. 751].

Император Константин при принятии христианства в качестве государственной религии, по мнению Гиббона, действительно испытывал «воодушевление», однако все же руководствовался личной выгодой: «он подставил алтари Церкви себе под ноги как скамейки, чтобы подняться на трон империи» [Гиббон, 2005, с. 316]. Привело же это, по мнению историка, к тому, что «умы греков были окованы цепями низкого и деспотического суеверия, власть которого распространяется на все, что лежит за пределами светской науки. Их разум был приведен в замешательство метафизическими спорами, вера в чудеса заставила их потерять даже простейшие правила нравственности, их вкус был испорчен проповедями монахов — нелепой мешаниной из декламации и Священного Писания» [Гиббон, 2005, с. 751].

Нет нужды вступать в спор с Гиббоном по поводу его характеристик Византии, о которой

за два последних века была создана обширная литература, но нигилистическая резкость европоцентристского подхода впечатляет, тем более что она сохранилась в западном общественном сознании до наших дней. Так, известный американский экономист Дж. Сакс называет труд Э. Гиббона «одним из четырех знаменательных событий», выражающих в 1776 г. «суть главного сюжета индустриальной эпохи» — наряду с рождением США, публикацией «Богатства народов» А. Смита и началом практического использования паровой машины Дж. Уатта [Сакс, 2022, с. 216].

Для нашей темы важно то, что в своем труде историк с позиции просветительской идеологии предлагает — по существу — иную модель развития, включающую в себя регламентацию высшей власти, контроль народа за бюрократией и налогами, укрепление национального государства и ограничение возможностей Христианской Церкви. В главах, содержащих выводы, постоянно встречается понятие *свобода* в том или ином контексте, но непременно как безусловная ценность. Для внимательного читателя, а в то время читали книги неспешно и внимательно, то были вполне очевидные выводы.

К числу Отцов Просвещения следует отнести и **Томаса Мальтуса** (1766–1834), английского священника и экономиста, профессора в Коллегии Ост-Индской Компании. Известное учение Мальтуса изложено им в эссе и книге «Опыт о законе народонаселения» (1798), при жизни автора выдержавшей шесть изданий. В своем труде Мальтус, уравнивая в своем подходе «религию и здравый смысл» [Мальтус, 2022, с. 273], умозрительно противопоставлял рост численности населения росту наличных средств для его существования, отстающих от роста населения вследствие законов убывающего плодородия почвы и убывающей производительности капитала.

Для предотвращения войн и социальных бедствий («порока и нищеты»), а также для роста общественного благосостояния Мальтус предлагал превентивные меры по ограничению рождаемости у низших слоев, прежде всего — ограничение ранних браков. Примечательно, что начинает он свои выводы со ссылки на «учение апостола Павла» о том, что монашество выше супружества [1 Кор. 7:7–9], однако излагает его по-своему: «...супружество, если оно не противоречит более высоким обязанностям, заслуживает нашего одобрения, но если оно противоречит им, достойно порицания», подкрепляя это цитатой: «Чтобы познать разумом волю Божию, необходимо оценить значение поступка относительно всеобщего блага» [Мальтус, 2022, с. 158]. Причем под «всеобщим благом» британский священник имеет в виду благо имущих слоев: «Там, где каждая семья обладает в изобилии всем необходимым для жизни и пользуется довольством, там не может быть ни стремления к переменам, ни того равнодушия и отчаяния, которые побуждают низшие классы населения руководствоваться правилом: Что бы ни случилось, наше положение не может быть хуже теперешнего» [Мальтус, 2022, с. 159]. Его вывод состоит в том, что «возникновение народных бедствий лишь косвенно зависит от правительства, которое не может бороться с ними непосредственно, и что главная причина этих бедствий кроется в образе действий самого народа», и задача власти состоит в том, чтобы сами «неимущие в Англии убедились вполне, что не имеют никакого права требовать от общества для себя пропитания...» [Мальтус, 2022, с. 183, 291]. Впрочем, он признает важность института благотворительности верхов общества.

Иначе говоря, в основу развития общества Мальтус предлагал положить принцип благополучия меньшинства¹⁰. Далее он прямо призывал отменить законы о бедных, то есть ликвидиро-

10 «Итак, благо народа требует, чтобы его обычная пища была дорогая, и чтобы ею определялся размер заработной платы, а на случай неурожая, чтобы он имел возможность заменить свою обычную пищу менее дорогим, но вполне здоровым продуктом». И далее: «Вообще замечено, что среднее положение в обществе наиболее благоприятно для развития добродетели, промышленности и всякого рода дарований. Но, очевидно, все люди

вать основанный на Евангельских заповедях порядок социальной помощи неимущим и малоимущим со стороны деревенских и городских общин (так называемый Закон Спинхемленда, принятый в 1795 г. и отмененный в 1834 г. (см. [Поланьи, 2002, с. 93–95])), давая простор отношениям капиталистического рынка труда [Мальтус, 2022, с. 191–202].

Примечательно, как этот англиканский священник толкует евангельский закон любви: «... возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» [Мф. 22:37–40]. А вот у Мальтуса: «Любовь к себе самому властно и неотразимо предписывает каждому из нас образ действий, которого мы должны держаться и который один только способен обеспечить сохранение и благоденствие породы. Если бы существование всего рождающегося было всегда обеспечено, то всеблагий Творец, несомненно, внушил бы нам такое же сильное стремление помогать ближним, с каким мы заботимся о собственном существовании. Но наше положение требует, чтобы мы заботились преимущественно об удовлетворении собственных нужд» [Мальтус, 2022, с. 285]. Так был провозглашен принцип «рационального эгоизма», ставший господствующим при реализации проекта Просвещения (хотя Мальтус в своем труде и осуждал «порочный эгоизм» [Мальтус, 2022, с. 287]).

Такого рода сведение социальных отношений к биологическим процессам встретило несогласие части современников Мальтуса, но и нашло сторонников, обретя на долгое время статус идеологии (неомальтузианство в XX в.). Учение Мальтуса, выходящее за рамки демографии, да-

леко от благородных идей эпохи Просвещения о равенстве и братстве и тем более от учения христианства, заложило в проект Просвещения основы социальной инженерии, в которой «низшие классы народа» рассматривались жестко и рационально в качестве покорного объекта со стороны «высших классов»¹¹.

ПРЕИМУЩЕСТВА ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА

Теории призваны предлагать решение существующих проблем и затруднений, и теория просвещенного абсолютизма как раз более отвечала этой цели, чем идеи Руссо и Гоббса, в условиях преобладания абсолютных монархий в Западной Европе. Политика ряда европейских государей принимала форму следования идеям Просвещения. Это проявлялось в религиозной и иных сферах.

Оказалось, что сама по себе величина государства — размеры его территории и численность населения — важны, но еще не означают его силы. Так, небольшие города-республики и монархии в Италии или Нидерланды не смогли на перспективу возглавить общеевропейское развитие, несмотря на свое финансовое значение. А с другой стороны, на рубеже веков Польша стала крупным государством на европейском континенте, но также не смогла стать лидером. Большую важность обрела политика государей.

При Старом порядке власть руководствовалась государственным интересом. Все государства были конфессиональными, у каждого имелась своя религия после того, как в 1555 г. в результате Аугсбургского мира был принят принцип «*Cujus regio, ejus religio*» («Чья власть, того и вера»). В то же время, девиз французской монархии «Одна вера, один закон, один король»

не могут принадлежать к среднему классу. Высшие и низшие классы неизбежны и притом весьма полезны» [Мальтус, 2022, с. 235, 256].

11 «Рассматривая же вопрос с точки зрения общественного интереса, необходимо признать, что всякий ребенок, умирающий ранее 10-летнего возраста, причиняет обществу потерю всего потребленного им продовольствия» [Мальтус, 2022, с. 253].

не подходил к Англии, поскольку в Шотландии был свой король, а в Ирландии — католическая церковь. И все же, тогда в большинстве стран Европы, по выражению Р. Ремона, «между религией и нацией, приверженностью вере и патриотизмом стоит знак равенства» [Ремон, 2022, с. 47]. Однако случалось, что монолит государственной религии подмывали явления «религиозной терпимости». Так, в 1598 г. во Франции король Генрих IV издал Нантский эдикт о веротерпимости, но в 1685 г. эдикт был отменен королем Людовиком XIV.

Уже в начале XVIII в. корона сочла возможным проводить либеральную политику в сфере религиозной жизни — это видно в Великобритании, в которой король становился главой и Англиканской церкви в Англии и Католической церкви в Ирландии, а также Пресвитерианской церкви в Шотландии. В 1781 г. австрийский император, католик Иосиф II издал первый в Европе указ о веротерпимости, даровавший свободу вероисповедания лютеранам, кальвинистам, православным и облегчавший положение иудеев [Ремон, 2022, с. 52].

В Великобритании, Пруссии, Австрийской империи, Испании и Португалии в XVIII в. монархия проводила либеральную политику в рамках существующей системы: уничтожала некоторые сословные привилегии, экономические монополии, регламентировала церковную жизнь и отношения землевладельцев с крестьянами, развивала школьное обучение и судопроизводство, смягчала цензурные строгости и допускала начала веротерпимости. Принцип рационального улучшения жизни теснил привычный принцип верности Традиции.

Однако такого рода уступки со стороны монархии в названных странах, и особенно во Франции и в России, вели к нарушению социально-политического баланса между старыми и новыми силами в обществе, и были свернуты властью. Просвещенный абсолютизм в проекте Просвещения оказался всего лишь «мостиком» к новому буржуазному государству.

Пять элементов Броделя

Объектом воздействия идей философов и политики государства оставалось европейское общество. Оно менялось, и для более адекватного понимания как его состояния, так и его динамики, стоит воспользоваться определением Броделя: общество как «множество множеств», сосуществование в канун Просвещения «по меньшей мере, пяти “обществ”, пяти разных иерархий». Эти «общества» — власть («сеньориальное» общество), церковь («теократическое общество»), деревня («более молодое общество», развивавшееся среди других), феодальная система («феодальный строй», стремившийся сохранить целостность феодальной иерархии) и город (город в новом понимании, как плод разделения труда, центр торговли и финансовых операций).

Названные пять элементов находились в сложном взаимодействии друг с другом, и их значение определялось не только количественными показателями. Из них именно пятый элемент послужил «прототипом нового времени» и «моделью при рождении современного государства и национальной экономики», основой для современного общества. Однако это не отменяет значения четырех иных «иерархических обществ» (См.: [Бродель, 1988, т. 2, с. 466–468].

Представляется, что такого рода понимание европейского общества в эпоху перехода к «веку Просвещения» как «множества множеств» позволяет лучше понять, как в нем уживались глубокая религиозность и глубокий скептицизм, верность институту Церкви и сектантство, идеи монархизма и республиканизма, сословная гордость и эгалитаризм, чувства милосердия и откровенного эгоизма, вера в неизбежность «светлого будущего» и глубокие сомнения в этом.

Известные афоризмы Франсуа де Ларошфуко (1613–1680) «Ум всегда в дураках у сердца» и Паскаля (1623–1662) «Нет беды страшнее, чем гражданская смута» передают противоречивое отношение людей к наступлению идей мате-

риализма и рационализма. Стоит вспомнить и Дж. Свифта, резкая сатира которого «Путешествия Гулливера» (1726) не просто ставила под сомнение предлагаемые просветителями идеалы государства и общества, идею неуклонного созидательного прогресса, а безжалостно показывала итог их логического развития. В третьей части книги Свифта, где лошадей возят запряженные в коляску люди, герой старается показать лошадям, что он не дикарь «еху», а близок к высоте «совершенства природы» — «гуигнгнма», к жестко рациональному миру лошадей, в котором отсутствуют печаль и любовь, где нет письменности, и главные вопросы «гуигнгнма» — обеспечение пищи и размножение.

Несмотря на заметную разноголосицу мнений и взглядов, в общественной мысли стран Западной Европы возник образ *нового общества*. Этот образ постепенно сложился для интеллектуальной, деловой и властной элиты как сумма идей ряда мыслителей, но в него вошли те идеи, которые были созвучны настроениям и чаяниям активных представителей третьего сословия (но не только их) и отвечали их целям по упрочению своего положения и влияния в обществе.

Этот неосязаемый образ стал, тем не менее, такой же реальностью, как и неписанная конституция Великобритании, и обрел значение программы действий. Коротко его суть передавали две идеи: отказ от старого строя и свобода действий для строителей нового строя. И то, и другое было невозможно без участия государства. Поэтому перед европейскими обществами вставала объективная задача: использовать государство для построения нового строя или создать новое государство для достижения той же цели.

Указанные явления, казалось бы, ослабляли западноевропейское общество, в то время как в более сильных и могущественных незападных обществах продолжался процесс стабильного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бёрк Э. *Правление, политика и общество*. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 478 с. [Burke E. *Government, Politics and Society*. Moscow: Kanonpress-C, 2001. 478 p. (in Russian)].

Бродель Ф. *Динамика капитализма*. М.: Альма Матер, 2022. 139 с. [Braudel F. *The Dynamics of Capitalism*. Moscow: Alma-Mater, 2022. 139 p. (in Russian)].

Бродель Ф. *Материальная цивилизация. экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Том 2. Игры обмена*. М.: Прогресс, 1988. [Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalism. Tome 3. Le temps du monde*. Moscow: Progress, 1988. (in Russian)].

Гиббон Э. *Упадок и разрушение Римской империи*. Пер. с англ. М., Центрполиграф, 2005. 959 с. [Gibbon E. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Moscow: Centrpoligraph, 2005. 959 p. (in Russian)].

Гоббс Т. *Философские основания учения о гражданине*. Минск: Харвест, 2001. 304 с. [Hobbes T. *Philosophical Foundations of the Doctrine of a Citizen*. Minsk: Harvest, 2001. 304 p. (in Russian)].

Готтлиб Э. *Мечта о Просвещении. Рассвет философии Нового времени*. М.: АНФ, 2020. 410 с. [Gottlieb E. *Dream of Enlightenment. The Dawn of Modern Philosophy*. Moscow: ANF, 2020. 410 p. (in Russian)].

Джентиле Э. *Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом*. СПб.: Владимир Даль, 2021. 398 с. [Gentile E. *Political Religions. Between Democracy and Totalitarian Power*. Saint Petersburg: Vladimir Dal. 2021. 398 p. (in Russian)].

История политических и правовых учений. М.: Инфра-М-Кодекс, 1995. 556 с. [History of Political and Legal Doctrines. Moscow: Infra-M-Kodeks, 1995. 556 p. (in Russian)].

Католическая Энциклопедия в 5 т. (КЭ). Т. 2. М.: Издательство Францисканцев, 2005 [Catholic Encyclopedia in 5 Volumes. Vol. 2. Moscow: Franciscan Publ., 2005 (in Russian)].

Лабутина Т. Л. Теория конституционной монархии в раннем английском Просвещении. *Монархия и народовластие в культуре Просвещения*. М.: Наука, 1995. С. 74–91 [Labutina T. L. The Theory of Constitutional Monarchy in the Early English Enlightenment. *Monarchy and Democracy in the Culture of the Enlightenment*. Moscow: Nauka, 1995. Pp. 74–91 (in Russian)].

Ларошфуко де Ф. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер де Ж. Характеристики. М.: Художественная литература, 1974. 541 с. [*La Rochefoucauld de F. Maxims. Pascal B. Thoughts. La Bruyère de J. Characters*. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura, 1974. 541 p. (in Russian)].

Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. М.: Наше завтра, 2022. 320 с. [Malthus T. *An Essay on the Principle of Population*. Moscow: Nashe Zavtra. 2022. 320 p. (in Russian)].

Пинкус С. 1688 год. Первая современная революция. М.: АСТ, 2017. 926 с. [Pinkus S. *1688: The First Modern Revolution*. Moscow: AST, 2017. 926 p. (in Russian)].

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., Алетейя, 2002. 320 с. [Polanyi K. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Saint Petersburg: Aletejja, 2002. 320 p. (in Russian)].

Православная Энциклопедия. В 68 т. Т. XVIII. М.: Православная Энциклопедия, 2009. 749 с. [*Orthodox Encyclopedia*. In 68 Vols. Moscow: Pravoslavnaia Entsiklopedia, 2009. Vol. XVIII. 749 p. (in Russian)].

Ремон Р. Религия и общество в Европе. Процесс секуляризации в XIX–XX веках (1789–2000).

СПб.: Alexandria, 2022. 320 с. [Remond R. *Religion and Society in Europe. The Process of Secularization in the 19th–20th Centuries (1789–2000)*. St. Petersburg: Alexandria, 2022. 320 p. (in Russian)].

Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М.: Художественная литература, 1968. 426 с. [Rousseau J.-J. *Julia, or New Eloise*. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura, 1968. 426 p. (in Russian)].

Сакс Дж. Эпохи глобализации: география, технологии и институты. Пер. с англ. М.: Институт Гайдара, 2022. 368 с. [Sachs J. *The ages of Globalization: Geography, Technology, and Institutions*. Moscow: Gaidar Institute, 2022. 368 p. (in Russian)].

Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 661 с. [Febvre L. *Combats pour l'histoire*. Moscow: Nauka, 1991. 661 p. (in Russian)].

Шварц Г. Христианская вера и традиция Лютера. М.: ББИ, 2017. х+290 с. [Schwarz H. *The Christian Faith and Luther's Tradition*. Moscow: BBI, 2017. х+290 p. (in Russian)].

Энгельс Ф., Маркс К. Сочинения. Т. 20. 2 изд. М.: Госполитиздат, 1961. 858 с. [Engels F., Marx K. *The Oeuvres*. Vol. 20. 2nd edition. Moscow: Gospolitizdat, 1961. 858 p. (in Russian)].

Яковлев А. И. Завершение «проекта Просвещения» для Запада и Востока. Часть I. Общие положения и творцы проекта. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 1. С. 13–35 [Yakovlev A. I. The Finale of the “Enlightenment Project” for the West and the East. Part I. Keynotes and the The Creators. *Oriental Courier*. 2023. No. 1. Pp. 13–35 (in Russian)].

